

УДК 327

DOI: 10.17323/19988613/73/16

А. Цуранович

ОСОБАЯ МИССИЯ РОССИИ В СЛАВЯНСКОМ МИРЕ: РЕЛИКТ ПРОШЛОГО ИЛИ ЗЛОБОДНЕВНЫЙ ВОПРОС?

Исследование проведено по проекту SONATA, № 2015/19/D/HS5/03149, профинансированного Национальным Центром Исследований, Польша. Часть исследования проведена на стипендию программы Фулбрайта в Центре Дэвиса, Гарвардский Университет.

Поставлен вопрос: присутствуют ли во внешней политике постсоветской России отсылки к ее особой миссии по отношению к славянам. Анализ содержания официального дискурса российской внешней политики в 2000–2018 гг. позволяет заявить, что мессианский нарратив не является сегодня основным, однако существует на краю риторики государственных институтов. Кроме того, в рамках реконструированных миссий, приписываемых России сегодня ее дипломатами, историческая роль покровителя славян уступила место «особой ответственности» по отношению к исповедующим православие или, шире, к христианам.

Ключевые слова: миссия, мессианство, славяне, нарратив, внешняя политика РФ.

В множестве научных публикаций, посвященных России, мессианизм представлен как характерная черта российской политической культуры и неотъемлемый элемент активности этого государства на международной арене. Одним из часто используемых примеров особой миссии России в ее внешней политике являются отношения со славянскими народами. Искушение славян было важным постулатом российской мессианской традиции XIX в. После Второй мировой войны сохранился лозунг славянского братства в советском дискурсе, ибо он вписался в декларации о единстве и солидарности социалистического лагеря. Учитывая значимость традиции мессианских мотивов, касающихся славян, она является хорошей почвой для исследования присутствия мессианских мотивов в современной российской внешней политике. Стоит задуматься над вопросом: присутствует ли во внешней политике постсоветской России отсылка к ее особой миссии по отношению к славянам?

Данная работа ставит перед собой две цели: во-первых, предлагает новую концептуализацию миссии, которая позволяет идентифицировать мессианские мотивы в официальном дискурсе о внешней политике, который формируется в высоко формализованном и, что важно в случае мессианской традиции, секулярном языке; во-вторых, представляет результаты анализа (*content analysis*) богатого эмпирического материала, которые позволяют утверждать, что в современном российском мессианском нарративе славяне потеряли свою позицию в пользу исповедующих православие.

Поставленные цели разделяют статью на две части. В первой, теоретического характера, показан панорамный взгляд на существующие в науке интерпретации явления мессианизма. Кроме того, подвергнута критическому анализу концепция Калеви Холсти, касающаяся «исключительного типа внешней политики», а также предложена авторская трактовка мессианства. Во второй части представлены результаты анализа официального

дискурса внешней политики, касающиеся мессианских мотивов в отношении славян. Под официальным дискурсом следует понимать дискурс, сформированный представителями государственных институтов. Поэтому материалом для исследования стали устные и письменные выступления создателей внешней политики Российской Федерации, в том числе президента, премьер-министра, министра иностранных дел, министра обороны, постоянных представителей России в международных организациях (ООН, Совет по правам человека ООН, ЮНЕСКО, G8, G20, НАТО, Совет Европы, Содружество Независимых Государств, БРИКС, Шанхайская организация сотрудничества и Организация исламского сотрудничества). Организации подобраны так, чтобы дать представление об отношениях России с Западом и не-западными государствами. Кроме того, в качестве дополнительного источника информации проанализированы избранные стенограммы Государственной Думы и Совета Безопасности Российской Федерации. Для подборки репрезентативных материалов для официального дискурса использовались поисковики на сайтах государственных учреждений (в том числе mid.ru, kremlin.ru). Применено два способа селекции материала: через ключевые слова (итого 56 слов) и виды выступлений (все интервью, статьи и праздничные речи, например послания Федеральному Собранию, выступления в честь годовщины Победы в Великой Отечественной войне, новогодние обращения к народу).

Вместе с поддерживающей меня исследовательской группой (в ее состав вошли Катажина Берштанска, Ирмина Оловска-Шиманска, Пётр Шимански, Гжегож Шимановски) мы проанализировали около 25 тысяч текстов за период 2000–2018 гг.

Мессианизм: способы трактовки феномена

Существует множество подходов к мессианизму. Он рассматривается как тип религиозного утопическо-

го сознания [1, 2], как идея или идеология [3, 4], миф или мифологема [5]. К тому же мессианизм может быть интерпретирован как феномен, связанный с империализмом [6, 7], фактор в процессе самоидентификации этносов и наций [8] или как проявление «реактивной современности» [9, 10]. Несмотря на это разнообразие подходов и контекстов, можно определить «ядро» мессианизма. Основная предпосылка мессианизма, которая имеет важное значение для ее политического измерения, такова: у Провидения есть план, по которому развивается История, и в этом плане особая роль (миссия) принадлежит избранному (индивидуальному или коллективному).

Мессианизм изначально сформировался как религиозное явление, которое в конечном итоге принесло плоды и в политической сфере. Одной из наиболее сложных проблем является разделение религиозного и политического мессианства. Согласно таким исследователям, как Анджей Валицки и Гульельмо Гуарилья, подлинный («аутентичный») мессианизм должен иметь религиозное измерение и быть сотериологическим явлением [1. С. 11–13; 11]. В противном случае это не мессианизм, а метафорический мессианизм, который должен быть записан как «мессианство» [1. С. 11–13].

Другие ученые, пытающиеся различать «религиозное» и «политическое», придумали разные ярлыки для различных случаев слияния политики с мессианизмом. Например, израильский историк Якуб Тальмон писал о «политическом мессианизме» [12]. Он понимал мессианизм как идеалистическую структуру, которая влияет на политическое мышление. Тальмон подчеркнул роль мессианского понимания истории как линейного целенаправленного процесса, который в конечном итоге привел бы к созданию идеально упорядоченного общества на Земле. По мнению Тальмона, политический мессианизм обозначил все основные течения европейской политической мысли в конце XVIII – первой половине XIX в. (1789–1848) [12].

Другой способ связать мессианизм с политикой – проследить его роль в процессе самоидентификации народов. Этот феномен обычно обозначается как «национальный мессианизм» и фокусируется на смысле миссии. В поисках истоков этого конкретного проявления мессианизма ученые, например Валицки, Данкан, указывают на влияние идей немецкого романтизма [1; 3. С. 10–11; 13]. Романтические интеллектуалы популяризировали убеждение, что каждая нация играет особую роль в истории человеческого рода. Нация, чтобы процветать, должна точно понимать и выполнять свою истинную судьбу. Подчеркивая связь между чувством национальной миссии и убежденностью в уникальном национальном призвании, Брендан Хамфри предложил термин «мессианская исключительность» [14].

В научных работах, посвященных мессианизму и процессу самоидентификации, должное место занимает миссия в политике империй. Для многих исследователей, например Рейнхольда Нибура, Дидье Шодета, Флорана Парментье и Бенуа Пелопидаса, настоящая империя – это та, которая имеет универсальное призвание [6, 15]. Это не размер территории или населе-

ния, даже не успешное расширение, а чувство универсальной миссии, которое превращает региональную гегемонию в империю. Американский историк Дэвид Роули убедительно утверждал, что чувство миссии является неотъемлемым компонентом имперской идентичности [16]. Империя должна иметь миссию по двум причинам: во-первых, это помогает легитимизировать расширение, во-вторых, что, на мой взгляд, более важно, обеспечивает многонациональное и многорелигиозное общество чувством общей цели. Следовательно, миссия функционирует как метакатегория, порождающая чувство близости. Универсальное призвание облегчает, с одной стороны, включение и ассимиляцию новых этнических и религиозных групп. С другой стороны, самая густонаселенная нация, так называемая империя-строитель, часто усваивает чувство миссии и превращает ее в важный компонент собственной идентичности.

Говоря о религиозном и политическом мессианизме, важно упомянуть о дифференциации, укорененной в русской традиции, т.е. дихотомии: мессианизм (от «мессии») – миссионизм (от «миссии»). Владимир Сторчак определяет эти два явления следующим образом: «Мессианизм... одна из форм религиозного сознания... предполагает идею богоизбранности и исключительности, превосходства по отношению к другим народам... Другая категория – “миссионизм” – навязывает имперскую сущность и направленность государственной политики» [2. С. 3–4]. Более того, Сторчак приписывает им разное влияние на политику. По мнению российского политолога, мессианизм облегчает изоляционистские тенденции в политике, а миссионерство усиливает экспансионизм. Эту мысль повторяет также Кирстен Р. Бувенг [17].

Вышеупомянутые способы связывания мессианства с политикой можно упорядочить, учитывая функции мессианизма в политическом контексте. В случае «политического мессианства» мессианский компонент является идейно-когнитивной структурой. В случае «национального мессианизма» – это часть идентичности и инструмент имперской политики. Часто рассматривается и третий случай. Некоторые ученые, например Ричард Нед Лебоу или Айсе Зараколь, интерпретируют появление мессианства в политике как явление, связанное с современностью [9, 18]. В этом контексте мессианизм является реакцией на внешнее давление, испытываемое государствами, которые считаются отсталыми и которым тяжело догнать развитые страны. Эти «отсталые» государства ссылаются на свою уникальную миссию, чтобы компенсировать материальные недостатки. Смысл миссии, следовательно, является частью феномена реактивной современности.

Исключительный вид внешней политики Холсти

Как мы видим, ученые осознают значение мессианизма для понимания политики. Однако они подходят к нему под разными углами. Чаще всего для анализа политики мессианизм интерпретируется либо как политические идеи, либо как инструменты. Канадский политолог финского происхождения Калеви Холсти представил новую перспективу: он предложил думать

о мессианской политике как об отдельном типе внешней политики [19]. Он назвал его «исключительным» (*exceptionalist*). Холсти не предоставляет читателям синтетического абстрактного определения, но описывает это явление, перечисляя пять его «существенных» (*essential*) особенностей. Во-первых, страны, которые выступают с исключительной внешней политикой, претендуют на выполнение освободительной миссии ради других наций (*liberating mission*). Во-вторых, такие государства убеждены в том, что они имеют право действовать вне широко признанных ограничений (правил, норм). В-третьих, такие государства часто воспринимают себя как невинных жертв. В-четвертых, у этих государств склонность к видению мира враждебным. В-пятых, такие государства (как правительства, так и общества) развивают потребность во внешних врагах.

Холсти объясняет, что исключительный тип внешней политики не обязательно должен показывать все пять функций одновременно [19. Р. 384]. Он подчеркивает, что исключительная внешняя политика имеет мессианское измерение, и таким образом подтверждает, что мессианизм является составляющим исключительности. Холсти утверждает, что «концепция мессианской роли не предсказывает какого-либо конкретного внешнеполитического поведения. Можно поощрять ценности и институты с помощью целого ряда средств – от стремления к совершенствованию внутренних институтов с надеждой на то, что другие будут подражать... к более активным формам, таким как “поучение” других, менее удачливых, через различные программы» [Ibid. Р. 388]. Свои концептуальные предположения Холсти основывает на историческом анализе внешней политики трех государств: США, Франции и СССР, – и приходит к выводу, что «...во всех трех рассмотренных... случаях исключительность была рождена культурами, которые охватывали восприятие национального превосходства и которые были связаны с патерналистскими и идеалистическими принуждениями, чтобы принести собственные дары всему человечеству и переделать мир по-своему» [Ibid. Р. 402]. Таким образом, по мнению Холсти, исключительная внешняя политика является проявлением идентичности государства (его чувства собственной исключительности), сформированной под воздействием прежде всего внутренних факторов.

Критическая верификация: миссия вместо исключительности

Попытка Калеви предложить концепцию мессианского фактора определенно является шагом в правильном направлении. Нам нужна концептуальная основа для расследования мессианства в рамках внешней политики. Однако, по-моему, концепция Калеви слишком широка и слишком ориентирована на американский случай. Я предлагаю другой способ анализа мессианизма во внешней политике. Прежде всего, следует сосредоточиться на ключевом компоненте мессианизма, который наиболее важен для внешней политики. Этот компонент – чувство миссии – императив действовать, изменять или сохранять мировой порядок.

Вопрос о миссии государства – это вопрос о роли этого конкретного государства на международной арене. Миссия – проекция идентичности данного государства в международной среде. Следовательно, миссия должна занимать центральное место в концептуализации мессианского фактора во внешней политике.

Я определяю миссию как убеждение, что определенная община (государство / нация) является исключительной и что эта исключительность проявляется в ее особой судьбе. Я различаю три характерных, но взаимосвязанных, черты «миссии»: убежденность в особой судьбе, чувство морального превосходства, убеждение в том, что деятельность государства мотивируется не только собственным национальным интересом, но и высшей причиной, важной для более широкого (регионального, глобального и т.д.) сообщества. Первые два компонента миссии выражают исключительность «миссииносца» (т.е. субъекта, избранного для совершения миссии), в то время как третий компонент относится к универсальному характеру призвания. Здесь я должна объяснить читателям, как моя миссия из трех компонентов соотносится с пятью особенностями, которые придумал Холсти для исключительной внешней политики.

Фактически пять пунктов Холсти охвачены компонентами миссии, которые я предлагаю. Более того, я считаю, что моя концепция имеет некоторые серьезные преимущества. Миссия – ключевая категория, которую я использую, – более широкая, но в то же время более точная и, следовательно, позволяет включать в себя различные типы мессианских задач, а не просто освобождение других наций. Государство может претендовать на выполнение миссии, посвященной сопротивлению изменениям, например сохранение истинной цивилизационной идентичности. Акцент Холсти на чувстве невинности более точно выражается в предлагаемом мной чувстве морального превосходства. Государство может быть не совсем невинным, но все же может достоверно заявлять, что оно более справедливое, чем другие. Холсти утверждает, что исключительная внешняя политика – это самопризнанное право страны действовать без ограничений. Однако я полагаю, что это излишне сужает рамки возможных выражений мессианской исключительности. Страна может считаться исключительной, поскольку она всегда придерживается правил. Еще одна особенность, названная Холсти, – чувство жертвенности – не является или по крайней мере больше не является составной частью исключительной внешней политики. Страны могут претендовать на особую миссию, которую можно выполнить также без самопожертвования. Самопожертвование – это возможный, но радикальный сценарий. То, что делает мессианское заявление заслуживающим доверия или легитимным, заключается в аргументе, что страна преследует свою миссию не только ради собственных интересов, но и ради более широкого сообщества. Мы можем найти эту логику в статье Сергея Лаврова, где он писал, что главная сила – это та, которая, преследуя свои национальные интересы, способствует благополучию всех народов [20].

Два пункта, которые названы Холсти, но не выражены в моей концепции миссии (враждебная среда и внешние враги), являются, на мой взгляд, не автономными отличительными чертами внешней политики, а, скорее, обстоятельствами, которые обеспечивают благодатную почву для мессианского нарратива. Речь идет о снижении безопасности, в том числе и в онтологическом аспекте. Холсти прав в том, что видит связь между чувством угрозы и чувством миссии, но ошибается в том, что представляет это как особенности исключительной политики. Я бы сказала, что пониженная онтологическая безопасность (Холсти не использует это понятие) является одним из факторов, которые могут вызвать мессианское повествование во внешней политике. Более того, вопреки Холсти, я бы не стала рассматривать внутреннюю среду как первоисточник чувства национальной исключительности, который, в свою очередь, питает исключительную внешнюю политику. Будучи составной частью идентичности государства, мессианская исключительность формируется динамикой между микро (агент) и макро (международная структура) уровнями.

Мессианские мотивы в современном официальном дискурсе российской внешней политики: главные наблюдения

Среди 25 тысяч проанализированных текстов только 3–4% имели мессианские мотивы. Под мессианскими мотивами следует понимать непосредственные отсылки к миссии или к одному из ее трех компонентов (особое предназначение, моральное превосходство, универсализм). Уже эти данные показывают, что упоминание миссии (т.е. мессианский нарратив) не является центральным компонентом официального дискурса по внешней политике. Это важное наблюдение, которое ставит под сомнение обоснованность тезисов о ренессансе политического мессианизма в России, особенно после 2014 г. [21]. В то же время присутствие мессианских мотивов на краю официального дискурса интригует, потому что ставит под вопрос заявления создателей российской внешней политики. Владимир Путин, Дмитрий Медведев и Сергей Лавров неоднократно подчеркивали, что руководство чувством миссии во внешней политике было проявлением нерациональности и одной из причин упадка СССР. Президент Медведев утверждал: «...брать на себя решающую роль в геополитике. А вот тот, кто стремится брать на себя такую роль, пусть за весь мир и отвечает, отвечает за то, почему войны начинаются, почему мигранты по Европе сотнями тысяч разъезжают. Мы к этому не стремимся, мы этим комплексом переболели в советские времена и уж точно не пытаемся регулировать весь мир» [22]. В подобном тоне высказался и Сергей Лавров: «Россия является наследницей Советского Союза и в этом своем качестве и как продолжатель традиции досоветской эпохи развития нашего государства отчетливо сознает контрпродуктивность мессианства, попыток навязывания другим народам собственных моделей развития и ценностей» [23]. Также, согласно Владимиру Путину, «...сегодняшняя

Россия не собирается делать ни того, что было в царские времена, ни тем более того, что было в советское время. Я не считаю, что мы должны брать на себя какие-то миссионерские функции, я думаю, что это было бы вредно для России» [24].

Следовательно, мессианизм как архаический и вредный был отброшен после 1991 г. российскими политическими элитами, которые одновременно критикуют Запад за его мессианский жар. В оценке Владимира Путина: «Наши западные партнеры во главе с Соединенными Штатами Америки предпочитают в своей практической политике руководствоваться не международным правом, а правом сильного. Они уверовали в свою избранность и исключительность, в то, что им позволено решать судьбы мира, что права могут быть всегда только они» [25].

Как тогда можно объяснить присутствие мессианских мотивов в официальном дискурсе, вопреки сознательному усилию элит к отбрасыванию этой части российской политической традиции? Проанализированный материал позволяет утверждать, что существование отсылок к миссии является результатом восприятия миссии как атрибута великой державы. Государство, стремящееся к наивысшим позициям в международной иерархии, не должно довольствоваться только развитием торговли или модернизацией военного потенциала. Оно также должно стремиться к реализации неких высших идей. Исполнение особой миссии является одним из критериев статуса (*status markers*) великой державы. Эту интерпретацию можно заметить в речи Сергея Лаврова, который ссылается на Ивана Ильина: «Русский философ Иван Ильин, размышляя о роли России в мире в качестве великой державы, подчеркивал, что “великодержавие определяется не размером территории и не числом жителей, но способностью народа и его правительства брать на себя бремя великих международных задач и творчески справляться с этими задачами. Великая держава есть та, которая, утверждая свое бытие, свой интерес... вносит творческую, устрояющую, правовую идею во весь сонм народов, во весь “концерт” народов и держав”. С этим трудно не согласиться» [20].

Восприятие миссии как атрибута державы начинается с рубежа XVIII и XIX вв., когда европейские империи оправдывали свою экспансию и доминацию, ссылаясь на особую миссию [26, 27]. Следовательно, можно посмотреть на современные отсылки к миссии в российском дискурсе как на некий нарративный навык, возникший в далеком имперском прошлом [28]. Империи уже не существует, но способ описывания мира и деятельности государства на международной арене остался – не по причине «извечной склонности» россиян к миссии и мессианству, но, собственно, силой инерции сформированной когнитивной рутины. Анализ собранного материала показывает, что о миссии России ее дипломаты часто говорят в конкретных контекстах, таких как победа во Второй мировой войне [29], деятельность Российской Империи в Средней Азии, Сибири и на Дальнем Востоке [30] или Россия как православная цивилизация [31].

Мессианский нарратив функционирует как специфический навык, что, однако, не означает, что его структура не была подвергнута изменениям. Наоборот, изменения были необходимы, чтобы этот нарратив смог быть адаптирован к реалиям постсоветского дискурса. Я бы указала три существенные разницы между современными отсылками к миссии и российской мессианской традиции. Во-первых, без сомнений, современный нарратив имеет светский характер. Религиозные коннотации случайны. Во-вторых, главным исполнителем миссии (или миссионером) является государство, что подтверждает функционирование миссии как атрибута собственно этого субъекта. Народ или Церковь появляются редко и исключительно в качестве актеров, поддерживающих государство в реализации его миссии. Наконец, в-третьих, современный нарратив не связывает миссию с необходимостью самопожертвования. Жертвование собственными интересами для идеи является только одним из возможных сценариев. Если государство, реализуя свою внешнюю политику, руководствуется не только собственной пользой, но и принимает во внимание нужды других участников международных отношений, этого достаточно, чтобы признать деятельность такого государства соответствующей духу миссии. Эта новая трактовка универсализма (одного из компонентов миссии) является следствием постсоветской травмы. Мессианская нерациональность политики СССР воспринимается нынешними элитами как одна из причин его упадка, но также как повод обнищания самой России, которая в течение нескольких десятков лет должна была делить свое благосостояние с другими республиками внутри Советского Союза и с другими братскими народами Варшавского договора и пролетариатом вне Европы. Большинство россиян все же привержены представлениям о России как о ведущей державе. В 2018 г. 88% респондентов считали сохранение статуса великой державы абсолютным приоритетом [32]. В то же время под влиянием «советского урока» 70% респондентов не готовы «затянуть пояса» во имя реализации высших идеалов во внешней политике [33]. Совмещение миссии как атрибута государства с нежеланием самопожертвования позволяет, собственно, новая трактовка универсализма, который не требует жертв.

Эволюция мессианских мотивов на примере миссии России по отношению к славянским народам

Исследователи российского мессианизма часто указывают на его истоки в XVI в., ассоциируя их с идеей Москвы как Третьего Рима [2]. Тем не менее бурные дискуссии на тему миссии России в мире вела прежде всего интеллигенция в XIX и начале XX в. Достаточно вспомнить работы Федора Достоевского и Николая Данилевского, чтобы показать, что судьба славян была одним из важнейших мотивов тех дебатов [1–3, 34]. Анализируя значение идентичности России для ее внешней политики, Андрей Цыганков ввел понятие «культурных союзников» – т.е. группы, защиту которой в данный исторический период российское государство считало моральной целью своей активности

на международной арене [35. Р. 20–30]. В контексте мессианского нарратива культурные союзники – это объект миссии, т.е. те, кого Россия должна спасти. Стоит подчеркнуть, что категория «культурные союзники» определяет связь между типами миссии, приписываемыми России, и процессом ее самоидентификации. Определение «культурных союзников» зависит от динамики дискурса на тему идентичности России. Если был подчеркнут православный компонент идентичности, объектом миссии становились православные. Когда акцентировано славянство, следовало спасать славян. В последнем веке существования империи Романовых категории «православные» и «славяне» часто выступали вместе, особенно в контексте деятельности России на Балканах. В свою очередь, в Советском Союзе роль культурных союзников приняли социалистические государства и мировой пролетариат [Ibid. Р. 34]. Согласно Цыганкову, после 1991 г. роль «культурных союзников» выпала русскому миру, понимаемому, прежде всего, как российская диаспора [Ibid].

Анализ материала указывает, однако, что дело обстоит сложнее. В официальном дискурсе удалось идентифицировать 15 мессианских ролей (миссий), которые создатели российской внешней политики приписывают сейчас своей стране. Стоит подчеркнуть, что подавляющее большинство – 13 из этих ролей – совпадает с традицией российского мессианизма. Например, Россия призвана к роли «гаранта мирового равновесия», «щита», «хранителя справедливости» или «моста между цивилизациями». Новой миссией является роль «создателя русского мира», подчеркивающая значение России как основателя, защитника и гаранта существования русского мира. Русский мир не исчерпывает, однако, категории «культурных союзников». Среди мессианских ролей также появляются ссылки на особое призвание России как «покровителя единокровных». Именно эта миссия соответствует традиционной роли России как защитницы славянских народов или православия. «Единокровные» – это государства / народы, с которыми Россия в данный период ощущает общность идентичности. Значит, это эквивалент «культурных союзников». Важно отметить, что отношение России к «единокровным» является асимметричным и выражает патернализм. «Единокровные» не являются партнерами, но объектом заботы и ухода со стороны России, которая сама признает себя покровителем. Сегодня «покровительство единокровных» связано со славянской / православной идентичностью России, в то время как «создатель русского мира» подчеркивает важность отношений с российской диаспорой для самоопределения современной России.

По сравнению с другими четырнадцатью ролями «покровитель единокровных» является миссией, упоминаемой редко. Исследуя собранный материал, мы подвергали тщательному анализу содержание (*content analysis*) 210 текстов – с наиболее полной мессианской аргументацией. Среди них «покровитель единокровных» упоминается 14 раз. Более того, среди этих 14 случаев в качестве «единокровных» 11 раз были упомянуты православные или просто христиане, а один раз – мусульмане, когда оратор отнесся к России как части

исламского мира. Славянские «единокровные» появились всего в четырех текстах. Два из них касаются политики Российской империи на Балканах [36], что показывает функционирование мессианского нарратива как некоего навыка – ритуального описывания деятельности России на международной арене в категориях миссии в конкретных контекстах.

Примером, в котором можно найти отголоски особой миссии России в отношении к славянам, является изменение записи в Концепции внешней политики Российской Федерации. В документе от 2008 г. утверждается: «Россия открыта для дальнейшего расширения прагматичного, взаимоуважительного сотрудничества с государствами Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы с учетом реальной готовности к этому каждого из них». А в документах 2013 и 2016 гг. этот отрывок звучит так: «Развивать межгосударственные культурные и гуманитарные связи славянских народов» [37, 38]. Это изменение вместо нейтрального географического критерия (Центральная, Восточная Европа, Юго-Восточная Европа) ввело критерий культурной близости в духе миссии «единокровных», или «культурных союзников».

Современная трактовка миссии «покровителя единокровных» показывает, что главным критерием указания «единокровных» является не этничность, а вероисповедание. Отсюда ключевыми «культурными союзниками» России и объектом ее миссии в начале XXI в. являются не славяне, и даже не «русский мир», а православные или просто христиане. Актуальность этого наблюдения подтверждает официальный дискурс о деятельности России в Сирии [39, 40]. Это не означает, что Россия в своей международной активности игнорирует славянские государства. Они по-прежнему являются для нее партнерами, однако понимание

отношения России касательно славян в категориях особой миссии, кажется, уходит в прошлое.

Выводы

Анализ богатого эмпирического материала периода 2000–2018 гг. позволяет сделать вывод, что мессианский нарратив не играет сейчас доминирующей роли в официальном дискурсе о внешней политике Российской Федерации. Он сохраняется на краю главного течения как своего рода нарративный навык, причем сохраняется силой инерции когнитивных привычек, сформировавшихся еще во времена Российской империи. Ритуальный характер упоминания миссии в избранных контекстах (в частности, Вторая мировая Война, православная цивилизация) не означает, однако, что этот нарратив совсем лишен адаптивной способности. По сравнению с российской мессианской традицией, сформированной в XIX и начале XX в., сегодня среди прочего явно выражены секуляризация того же нарратива и центральная позиция государства как попечителя миссии. Важным изменением, связанным с опытом распада СССР, является новая трактовка универсализма (одного из компонентов миссии), который уже не требует самопожертвования. Особая миссия России по отношению к славянским народам – некогда главный постулат мессианской традиции, сегодня утратила центральное значение. В начале XXI в. «культурными союзниками» Российской Федерации являются в первую очередь исповедующие православие или вообще христиане, а не славяне. Религия, а не этничность стала критерием определения «единокровных» в мессианском нарративе в официальном дискурсе внешней политики постсоветской России.

ЛИТЕРАТУРА

1. Walicki A. *Filozofia a mesjanizm. Studia z dziejów filozofii i myśli społeczno-religijnej romantyzmu polskiego*. Warszawa : PIW, 1968. 315 s.
2. Сторчак В.М. Феномен российского мессианизма в общественно-политической и философской мысли России. Москва : РАГС, 2005. 249 с.
3. Duncan P. *Russian Messianism: Third Rome, Revolution, Communism and After*. London ; New York : Routledge, 2002. 252 p.
4. Wawrzynowicz. A. *Spór o mesjanizm. Rozwój idei*. Warszawa : Fundacja Augusta Hrabiego Cieszkowskiego, 2015. Т. I. 502 s.
5. Баталов Э.Я. Русская идея и американская мечта. М. : Прогресс-Традиция, 2009. 384 с.
6. Niebuhr R. *The Structure of Nations and Empires*. New York : Charles Scribner's Sons, 1959. 306 p.
7. Паин Э.А. Имперский национализм (возникновение, эволюция и политические перспективы в России) // *Общественные науки и современность*. 2015. № 2. С. 54–71.
8. Smith A.D. *Kulturowe podstawy narodów*. Kraków : WUJ, 2008. С. 60–68.
9. Lebow R.N. *A Cultural Theory of International Relations*, Cambridge : Cambridge University Press, 2009. 376 p.
10. Травин Д. «Особый путь» России. От Достоевского до Кончаловского. СПб. : Изд-во Европейского ун-та в С.-Петербурге, 2018. 224 с.
11. Guariglia G. *Il messianismo russo*. Roma : Studium, 1956. 186 p.
12. Talmon J. *Political Messianism. The Romantic Phase*. London : Secker&Warburg, 1960. 607 p.
13. Berlin I. *The Roots of Romanticism*. Princeton, NJ : Princeton University Press, 2001. 171 p.
14. Humphreys B. *Russian Exceptionalism: a Comparative Perspective* // *Politics in Central Europe*. 2016. Vol. 12, № 1. P. 9–20.
15. Chaudet D., Parmentier F., Peolopidas B. *When Empire Meets Nationalism: power Politics in the US and Russia*. Surrey : Ashgate Publishing, 2009. 215 p.
16. Rowley D.G. «Redeemer Empire»: Russian Millenarism // *American Historical Review*. 1999. Vol. 104, № 5. С. 1582–1602.
17. Bouveng K.R. *The Role of Messianism in Contemporary Russian Identity and Statecraft* : Durham Theses. Durham University, 2010. 322 p.
18. Zarakol A. *After Defeat. How the East Learned to Live with The West*, Cambridge : Cambridge University Press, 2010. 291 p.
19. Holsti K.J. *Exceptionalism in American Foreign Policy: Is it exceptional?* // *European Journal of International Relations*. 2010. Vol. 17, № 3. С. 381–404.
20. Лавров С. Историческая перспектива внешней политики России // *Россия в глобальной политике*. 2016. 3 марта. URL: <http://www.globalaffairs.ru/global-processes/Istoricheskaya-perspektiva-vneshnei-politiki-Rossii-18017>
21. Herpen M.H. Van, *Putin's Propaganda Machine. Soft Power and Russian Foreign Policy*. Lanham et al. : Rowman & Littlefield, 2016. 336 p.
22. Интервью Дмитрия Медведева немецкой газете «Хандельсблатт» // *Правительство России*. URL: <http://government.ru/news/21765/>
23. Выступление Министра иностранных дел России С.В. Лаврова на встрече с коллективом Дипломатической академии МИД России, Москва // *Министерство иностранных дел Российской Федерации*. URL: http://www.mid.ru/web/guest/meropriyatiya_s_uchastiem_ministra/-/asset_publisher/xK1BhB2bUjd3/content/id/2189906?sel=20:1:9lp,20:52:oai;16:40:yhp,16:95:jef;17:22:yUe,17:47:gcg;17:48:HTh,17:131:ief;18:42:Caf,18:85:ila;21:16:0Xh,21:79:ADi;23:1:0jf,23:15:Wea;23:16:Dna,23:31:geS;26:1:9hk,26:27:ecX;26:29:hWT,26:45:kej

24. Встреча с участниками международного дискуссионного клуба «Валдай» // Президент России. URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/24537>
25. Обращение Президента Российской Федерации // Президент России. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/20603>
26. Pagden A. *Lords of All the World : ideologies of empire in Spain, Britain and France*. New Haven ; London : Yale University Press, 1995. 244 p.
27. Kumar K. *The Making of English National Identity*. Cambridge : Cambridge University Press, 2003. 382 p.
28. Hopf T. The logic of habit in International Relation // *European Journal of International Relations*. 2010. Vol. 16, № 4. С. 539–561.
29. Медведев Д.А. Выступление на приеме в честь 63-й годовщины Победы в Великой Отечественной войне // Президент России. URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/31>
30. Путин В.В. Послание Федеральному Собранию Российской Федерации // Президент России. URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/22931>
31. Путин В.В. Беседа с журналистами во время поездки на Большой Соловецкий остров // Президент России. URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/21314>
32. Национальная идентичность и гордость. URL: <https://www.levada.ru/2019/01/17/natsionalnaya-identichnost-i-gordost/>
33. Петухов В., Бараш Р. Русские и «русский мир»: исторический контекст и современное прочтение // *POLIS. Политические исследования*. 2014. № 6. С. 83–101.
34. Саркисянц М. Россия и мессианизм. К «русской идее» Н.А. Бердяева. СПб. : Изд-во СПбГУ, 2005. 181 с.
35. Tsygankov A.P. *Russia and the West from Alexander to Putin. Honor in International Relations*. Cambridge : Cambridge University Press 2014. 330 p.
36. Государственная Дума Федерального Собрания РФ. Седьмой созыв Заседание. № 94 (1642) от 24.01.2018: текст стенограммы заседания. URL: <http://cir.duma.gov.ru/docs/duma/302/2796926?QueryID=7220271&HighlightQuery=7220271>
37. Концепция внешней политики Российской Федерации // Президент России. URL: <http://kremlin.ru/acts/news/785>
38. Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации // Президент России. URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/41451>
39. Встреча с главами христианских церквей Ближнего Востока // Президент России. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/61937>
40. Путин заявил, что Россия делает все для поддержки христиан Ближнего Востока. URL: <https://ria.ru/20191030/1560416663.html>

Curanović Alicja, Faculty of Political Science and International Studies, University of Warsaw (Warsaw, Poland). E-mail: a.curanovic@uw.edu.pl

RUSSIA'S EXCEPTIONAL MISSION IN THE SLAVIC WORLD: A RELIC OF THE PAST OR A PRESENT-DAY PHENOMENON?

Keywords: mission, messianism, Slavic nations, narrative, foreign policy of the Russian Federation.

The article seeks to answer a question whether messianic motives are still present in the foreign policy of the Russian Federation. I define mission as a conviction that a certain community (state/nation) is exceptional and that this exceptionality manifests itself in its special destiny. I discern three distinctive, but interconnected features of “mission”: (1) the conviction of having a special destiny, (2) a sense of moral superiority, (3) the conviction that the state’s activity is motivated not only by its own particular interest but also by the ‘common cause’. By messianic motives I understand direct references to Russia’s mission or to one of its three components.

While analysing contemporary messianic narrative the spotlight is put on Russia’s exceptional role in the Slavic world which was one of the main components of the tradition of Russian messianism in the 19th and 20th centuries. Back then Slavic nations were considered Russia’s kin or as Andrei Tsygankov puts it – “cultural allies”. A “cultural ally” is a group whose protection Russia understood in a given historical period as the moral goal of its foreign policy. Hence determining “cultural allies” depended each time on Russia’s self-identification process. For instance Russia defined as “orthodox civilisation” was destined to save adherents of Eastern Orthodox Church.

As for the method, together with my research team I conducted content analysis of the documents representative for the official discourse, i.e. discourse produced by the state institutions. We have read public statements, articles, interviews etc. delivered by the creator of the Russian foreign policy, i.e. by the president, prime minister, minister of foreign affairs, ministry of national defence as well as regular diplomats and permanent representatives of Russia in the selected international organisations. All in all, we have read 25 000 texts.

The analysis of the empirical material allows to conclude that the mission narrative is not a dominant one of the official foreign policy discourse but rather it lingers on its margins. It has grown into a peculiar narrative habit shaped in the times of the Russian Empire. Within this narrative references to Russia’s exception role in the Slavic world are rare. In the beginning of the 21st century it’s Slavic nations and not even russkiy mir but adherents of Orthodoxy or simply Christians who appear in today’s discourse as Russia’s “cultural allies”.

REFERENCES

1. Walicki, A. (1968) *Filozofia a mesjanizm. Studia z dziejów filozofii i myśli społeczno-religijnej romantyzmu polskiego*. Warszawa: PIW.
2. Storchak, V.M. (2005) *Fenomen rossiyskogo messianizma v obshchestvenno-politicheskoy i filosofskoy mysli Rossii* [The phenomenon of Russian messianism in the Russian socio-political and philosophical thought]. Moscow: RAGS.
3. Duncan, P. (2002) *Russian Messianism: Third Rome, Revolution, Communism and After*. London; New York: Routledg.
4. Wawrzynowicz, A. (2015) *Spór o mesjanizm. Rozwój Idei*. Vol. 1. Warszawa: Fundacja Augusta Hrabiego Cieszkowskiego.
5. Batalov, E.Ya. (2009) *Russkaya ideya i amerikanskaya mechta* [The Russian Idea and the American Dream]. Moscow: Progress-Traditsiya.
6. Niebuhr, R. (1959) *The Structure of Nations and Empires*. New York: Charles Scribner’s Son.
7. Pain, E.A. (2015) Imperial nationalism: emergence, evolution and political prospects in Russia. *Obshchestvennye nauki i sovremennost’* – Social Sciences and Contemporary World. 2. pp. 54–71. (In Russian).
8. Smith, A.D. (2008) *Kulturowe podstawy narodów*. Kraków: WUJ. pp. 60–68.
9. Lebow, R.N. (2009) *A Cultural Theory of International Relations*. Cambridge: Cambridge University Press.
10. Travin, D. (2018) *“Osobyi put” Rossii. Ot Dostoevskogo do Konchalovskogo* [“A special way” of Russia. From Dostoevsky to Konchalovsky]. St. Petersburg: European University in St. Petersburg.
11. Guariglia, G. (1956) *Il messianismo russo*. Roma: Studium.
12. Talmon, J. (1960) *Political Messianism. The Romantic Phase*. London: Secker&Warburg.
13. Berlin, I. (2001) *The Roots of Romanticism*. Princeton, NJ: Princeton University Press.
14. Humphreys, B. (2016) Russian Exceptionalism: a Comparative Perspective. *Politics in Central Europe*. 12(1). pp. 9–20. DOI: 10.1515/pce-2016-0001
15. Chaudet, D., Parmentier, F. & Peolopidas, B. (2009) *When Empire Meets Nationalism: power Politics in the US and Russia*. Surrey: Ashgate Publishing.

16. Rowley, D.G. (1999) "Redeemer Empire": Russian Millenarism. *American Historical Review*. 104(5). pp. 1582–1602. DOI: 10.1086/ahr/104.5.1582
17. Bouveng, K.R. (2010) *The Role of Messianism in Contemporary Russian Identity and Statecraft: Durham Theses*. Durham Universit.
18. Zarakol, A. (2010) *After Defeat. How the East Learned to Live with The West*. Cambridge: Cambridge University Press.
19. Holsti, K.J. (2010) Exceptionalism in American foreign Policy: Is it exceptional? *European Journal of International Relations*. 17(3). pp. 381–404. DOI: 10.1177/1354066110377674
20. Lavrov, S. (2016) Istoricheskaya perspektiva vneshney politiki Rossii [Historical perspective of Russian foreign policy]. *Rossiya v global'noy politike*. 3rd March. [Online] Available from: <http://www.globalaffairs.ru/global-processes/Istoricheskaya-perspektiva-vneshnei-politiki-Rossii-18017>
21. Van Herpen, M.H. (2016) *Putin's Propaganda Machine. Soft Power and Russian Foreign Policy*. Lanham et al.: Rowman & Littlefield.
22. Medvedev, D. (2016) Interv'yū Dmitriya Medvedeva nemetskoy gazete "Khandel'sblatt" [Dmitry Medvedev's interview with the German newspaper "Handelsblatt"]. [Online] Available from: <http://government.ru/news/21765/>
23. Lavrov, S.V. (2016) Vystuplenie Ministra inostrannykh del Rossii S.V. Lavrova na vstreche s kolektivom Diplomaticheskoy akademii MID Rossii, Moskva [Speech by the Minister of Foreign Affairs of Russia S.V. Lavrova at a meeting with the staff of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Moscow]. [Online] Available from: http://www.mid.ru/web/guest/meropriyatiya_s_uchastiem_ministra/-/asset_publisher/xK1BhB2bUjd3/content/id/2189906#sel=20:1:9lp,20:52:oai;16:40:yp,16:95:jef;17:22:yUe,17:47:gcg;17:48:HTh,17:131:ief;18:42:Caf,18:85:ila;21:16:0Xh,21:79:ADi;23:1:0jf,23:15:Wea;23:16:Dna,23:31:geS;26:1:9hk,26:27:ecX;26:29:hWT,26:45:kej
24. Kremlin.ru. (n.d.) Vstrecha s uchastnikami mezhdunarodnogo diskussionnogo kluba "Valday" [Meeting with the participants of the Valdai International Discussion Club]. [Online] Available from: <http://kremmlin.ru/events/president/transcripts/24537>
25. Kremlin.ru. (n.d.) Obrashchenie Prezidenta Rossiyskoy Federatsii [Address of the President of the Russian Federation]. [Online] Available from: <http://kremmlin.ru/events/president/news/20603>
26. Pagden, A. (1995) *Lords of All the World: ideologies of empire in Spain, Britain and France*. New Haven; London: Yale University Press.
27. Kumar, K. (2003) *The Making of English National Identity*. Cambridge: Cambridge University Press.
28. Hopf, T. (2010) The logic of habit in International Relation. *European Journal of International Relations*. 16(4). pp. 539–561. DOI: 10.1177/1354066110363502
29. Medvedev, D.A. (2008) Vystuplenie na prieme v chest' 63-y godovshchiny Pobedy v Velikoy Otechestvennoy voyne [Speech at a reception in honor of the 63rd anniversary of Victory in the Great Patriotic War]. [Online] Available from: <http://kremmlin.ru/events/president/transcripts/31>
30. Putin, V.V. (n.d.) Poslanie Federal'nomu Sobraniyu Rossiyskoy Federatsii [Message to the Federal Assembly of the Russian Federation]. [Online] Available from: <http://kremmlin.ru/events/president/transcripts/22931>
31. Putin, V.V. (n.d.) Beseda s zhurnalistami vo vremya poezdki na Bol'shoy Solovetskiy ostrov [Conversation with journalists during a trip to Bolshoi Solovetsky Island]. [Online] Available from: <http://kremmlin.ru/events/president/transcripts/21314>
32. Levada.ru. (2019) Natsional'naya identichnost' i gordost' [National identity and pride]. [Online] Available from: <https://www.levada.ru/2019/01/17/natsionalnaya-identichnost-i-gordost/>
33. Petukhov, V. & Barash, R. (2014) The Russians and the "Russian World": the historical context and the contemporary interpretation. *POLIS. Politicheskie issledovaniya – Polis. Political Studies*. 6. pp. 83–101. (In Russian). DOI: 10.17976/jpps/2014.06.07
34. Sarkisyants, M. (2005) *Rossiya i messianizm. K "russkoy ide'e" N.A. Berdyaeva* [Russia and messianism. Towards N.A. Berdyaev's "Russian idea"]. St. Petersburg: St. Petersburg State University.
35. Tsygankov, A.P. (2014) *Russia and the West from Alexander to Putin. Honor in International Relations*. Cambridge: Cambridge University Press.
36. The State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation. (2018) *Sed'moy sozyv Zasedanie. № 94 (1642) ot 24.01.2018: tekst stenogrammy zasedaniya* [Seventh convocation Meeting. No. 94 (1642) dated January 24, 2018: verbatim records]. [Online] Available from: <http://cir.duma.gov.ru/docs/duma/302/2796926?QueryID=7220271&HighlightQuery=7220271>
37. Russia. (2008) Kontseptsiya vneshney politiki Rossiyskoy Federatsii [The concept of foreign policy of the Russian Federation]. [Online] Available from: <http://kremmlin.ru/acts/news/785>
38. Russia. (2016.) Ob utverzhdenii Kontseptsii vneshney politiki Rossiyskoy Federatsii [On the approval of the Foreign Policy Concept of the Russian Federation]. [Online] Available from: <http://kremmlin.ru/acts/bank/41451>
39. Russia. (2019) Vstrecha s glavami khristianskikh tserkvey Blizhnego Vostoka [Meeting with the heads of Christian churches in the Middle East]. [Online] Available from: <http://kremmlin.ru/events/president/news/61937>
40. Ria.ru. (2019) Putin zayavil, chto Rossiya delaet vse dlya podderzhki khristian Blizhnego Vostoka [Putin said that Russia is doing everything to support the Christians in the Middle East]. [Online] Available from: <https://ria.ru/20191030/1560416663.html>